Кира Измайлова

Страж перевала

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И37

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Измайлова, Кира Алиевна.
И37 Страж перевала / Кира Измайлова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-092794-4

Высоко в горах застыл на перевале замок семьи Сайтор — от него остались одни развалины, но память камня хранит древнюю тайну. Спит в недрах скал таинственный страж, дожидаясь того, кто сможет позвать его и подчинить. Горы живут своей жизнью — странной и удивительной для человека равнин, но родной и привычной для тех, кто родился и вырос на перевале.

Очень далеко оттуда, при дворе князя Даккора, воспитывается юная Альена — сирота, последняя из рода Сайтор. Но так ли искренна забота о ней владетельного опекуна? Добра ли он желает или строит на ее счет хитроумные планы? И зачем ему — и ему ли? — нужен загадочный страж перевала?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092794-4

© Измайлова К.А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1

Вокруг царила тишина. Глубокая, спокойная тишина... оглушающая после того грохота и шума, тех криков... Мне было страшно открывать глаза, потому что я не знала, что увижу, сделав это. Может быть, я уже умерла, и именно поэтому вокруг так тихо?

— Что с ней? — негромко спросил незнакомый мужской голос.

— Ничего страшного, господин, — подобострастно отозвался другой голос, тоже незнакомый. — Сильный испуг, только и всего. Думаю, вскоре девочка придет в себя...

Убедившись, что голоса принадлежат людям, во всяком случае, не похожи на страшный рев чудовищ из огненных подземелий Запределья (куда, как известно, попадают те, кто дурно вел себя при жизни), я все же решилась открыть глаза. Комната оказалась совершенно чужой и очень большой, насколько мне удалось увидеть. Я лежала на огромной кровати под балдахином, на которой, казалось, могли уместиться пятеро взрослых, и им при этом не было бы тесно.

Окна закрывали тяжелые шторы, в комнате царил полумрак, но я все-таки смогла различить лицо человека, стоявшего рядом с кроватью. Это был пожилой мужчина, почти полностью седой, но еще далеко не старый, наверно, ровесник моего отца. Темные глаза

смотрели цепко и холодно, так, что дрожь пробирала, а властное некрасивое лицо, изборожденное глубокими морщинами, было определенно мне знакомо, в отличие от голоса... Где же я могла его видеть? Где?..

— Она пришла в себя, господин...

А этот человек, видимо, лекарь: от него остро пахло какими-то травами, почти как от старой знахарки, которая иногда забредала к нам — когда по приглашению, когда просто поточить лясы на кухне.

Пожилой мужчина перевел взгляд на меня, и сразу захотелось забиться под подушку: взгляд этот пронизывал насквозь, а мне вовсе не нравилось, когда меня разглядывали вот так, в упор.

— Ты что-нибудь помнишь, дитя мое? — неожиданно мягко спросил он.

Я открыла было рот, но тут же сообразила, что помню я очень и очень мало. Вот разве что мне было очень страшно, когда вспыхнул огонь...

— Я не помню, что случилось... — выговорила я наконец. — Все бежали куда-то и кричали, а еще пожар...

— Девочка была перепугана насмерть, господин, — встрял лекарь. — Вероятно, позднее она сможет рассказать больше. Хотя, может быть, и не стоит пытаться пробудить ее память.

Мне отчего-то показалось, что седому пришлись по нраву эти слова, и он сказал:

— Ты прав. Не стоит ей рыться в таких воспоминаниях. — Он повернулся ко мне и добавил: — Забудь это как страшный сон, дитя мое. Теперь ты в безопасности, и в моем замке тебе ничто не угрожает. Не волнуйся ни о чем. Я позабочусь о тебе.

Я хотела было возразить, что обо мне заботятся мои родители... Но тут же перед мысленным взором снова вспыхнул тот страшный пожар, и я поняла... вернее, по-

чувствовала, что теперь обо мне и в самом деле некому больше заботиться. Отец и мама всегда были рядом, большие и теплые, хотя иногда и грозные, а теперь я не чувствовала их, совсем! А ведь я могла сказать, что отец простудился, даже когда он был за перевалом, куда гляди не доглядишься! И если их нет... Значит, остался только этот незнакомец.

— Как только она почувствует себя лучше и сможет встать, пускай ее приведут в мой кабинет, — обратился он к лекарю, и тот глубоко поклонился.

Седой снова посмотрел на меня и, неожиданно ласково потрепав по голове, повторил:

— Ничего не бойся, дитя. Все будет хорошо.

Он вышел, а я снова попыталась вспомнить, почему же мне так знакомо его лицо? Может быть, он когда-то приезжал к моим родителям? У отца бывали многие, матушку навещали подруги с мужьями, но среди них я не могла припомнить этого человека. А хотя бы раз увидев его, трудно было бы забыть подобное лицо!

— Выпейте-ка, юная госпожа. — Лекарь поднес мне какое-то зелье в большой красивой чашке.

У матушки была похожая вазочка, чей-то подарок: там на белоснежных полупрозрачных стенках красовались синие птицы с узорчатыми длинными хвостами. Мне настрого запрещалось трогать вазочку, потому что она стоила очень дорого — такие вещи привози-ли издалека, а даже обычные глиняные горшки можно переколотить по дороге на ярмарку, что уж говорить о такой хрупкой вещичке! Стеклянные вещи и то прочнее...

Я послушно осушила чашку и, уже погружаясь в неожиданно навалившийся сон, вдруг вспомнила, где я видела лицо седого: на золотых монетах, которые имели хождение во всех окрестных землях. На золо-

тых монетах, на которых был выбит резкий профиль владетельного князя Даккора... Это значит, что я в его замке? Но почему? Как я тут оказалась?.. Увы, ответов на эти вопросы я не знала...

* * *

Не знаю, сколько миновало дней: я потеряла счет времени.

Помню, стоило вынырнуть из темного омута сна и открыть глаза, как вокруг тут же начинала хлопотать служанка, в горло мне лился теплый бульон или какой-то душистый травяной отвар... и я снова засыпала, не успев даже спросить, какой нынче день.

Бывали и другие пробуждения — после сновидений: поначалу часто снился пожар, огненное кольцо, все теснее сжимавшееся вокруг, грохот и человеческие вопли, и тогда я просыпалась с криком. Служанка успокаивала меня и поила с ложечки сладким зельем, от которого я делалась будто соломенная кукла и не чувствовала ни рук ни ног и даже думать не могла.

Но случались такие видения, во время которых я изо всех сил старалась подольше удержаться на грани сна и яви, потому что мне казалось — это что-то важное, очень важное! И как ни было страшно, я терпела до последнего, до тех пор, пока не оказывалась заключена в огненных стенах, а пламя не принималось жадно глодать мою одежду и волосы... Там, за этой стеной, кто-то искал меня, но не мог увидеть — так ярко горел огонь, так слепил!

Верно... Изредка мне удавалось увидеть за непроницаемой стеной глаза — тоже огненные, но это был совершенно иной огонь — он не обжигал, он был холодным, а взгляд этих глаз казался тяжелым, как... как золотой слиток. Именно тот, кто смотрел из-за пламенной

стены, пытался меня разыскать, манил взглядом, звал по имени... Но зачем? Кто это был? Почему-то казалось, что он не враг мне, и я пыталась узнать больше, расспросить — бывает же, что во сне удается поговорить с привидевшимися тебе людьми, животными и даже вещами, — но он не слышал, не различал слабого голоса за чужими криками и ревом пожара!

Я просыпалась вся в слезах от бессилия, а если спрашивали, что меня так взволновало, могла сказать лишь, что видела, как горит наш замок. Про золотые глаза я говорить не хотела, не знаю почему, но мне казалось, лекарь о чем-то догадывается, да и служанка упоминала, что я говорю во сне... После таких сновидений меня поили каким-то горьким зельем, после которого я спала вовсе беспробудно. Не маковым отваром, нет, чем-то совсем незнакомым... хотя откуда мне было знать, какие зелья используют в этих краях?

Но всему приходит конец, прекратились и мои сновидения, и меня все реже пичкали зельями...

Когда я проснулась в очередной раз, тяжелые шторы на окнах были отдернуты, и яркий солнечный свет заливал комнату. Заметив, что я открыла глаза, довольно молодая полная служанка, дремавшая рядом на стуле, тут же устремилась ко мне и принялась умывать, причесывать, одевать и кормить, будто я совсем маленький ребенок! На все мои уверения, что я сама способна одеться (ну хорошо, некоторые шнурки и тугие крючки не поддавались, тут бы я от помощи не отказалась) и умею пользоваться столовыми приборами, она только вздыхала и качала головой, и была права. Уметь-то я умела, да вот только первое время даже удержать ложку не могла, настолько ослабла...

Сейчас, правда, я уже достаточно окрепла, чтобы справиться с едой и не заснуть, не донеся ложки до рта,

но служанке — ее звали Мадитой, — похоже, просто нравилось со мной возиться.

С этим я кое-как могла смириться, но вот любопытство не давало покоя. Например, у меня никогда не было такого платья! И не похоже, что оно с чужого плеча, выглядит совсем новым... Неужели его сшили уже здесь? Конечно, это не так уж сложно: хорошая мастерица и за ночь может управиться, это же не дамский парадный наряд с длинным шлейфом и затейливой отделкой... Но и обувь тоже пришлась точно по ноге! Тоже стачали нарочно для меня? Неужели при замке живет столько мастеров?

Или... сколько времени я пролежала без памяти, раз они успели все для меня приготовить? И что случилось с моим родным домом? И родители... Может, они все-таки живы, просто мое чутье не действует?

Правда, тогда непонятно, почему князь сказал, что позаботится обо мне, и я тогда еще подумала — он уверен, что больше это сделать некому. Должно быть, наверняка знал, что сталось с моими родителями! А если знает господин, то и слуги наверняка что-то да слышали, в замке от сплетен и слухов не убережешься: непременно хоть словцо кто-то да обронит, а другой подберет и передаст остальным. Слово за слово... Не может же быть, чтобы служанки не шушукались по углам о том, откуда взялась чужая девочка и почему князь окружил ее такой заботой!

Увы, на мои вопросы Мадита не отвечала, говорила, мол, всему свое время, мне все объяснят, а ее дело маленькое: подай, принеси, убери...

— Идемте, госпожа, — сказала она наконец. — Вас уже ждут.

Нетрудно было догадаться, кто именно ждет — ведь князь сказал, чтобы меня привели к нему, как только я смогу встать. Непонятно только зачем...

Княжеский замок подавлял не то чтобы своими размерами (горы-то намного больше), а каким-то странным внутренним устройством: мне показалось, что в этих бесконечных коридорах и переходах ничего не стоит заблудиться. Должно быть, его столько раз переделывали и пристраивали новые переходы, что от изначального здания ничего и не осталось... Впрочем, Мадита шла уверенно, не плутая: привыкла, наверно, за много лет и знала все закоулки и лестницы.

Еще я думала о том, что зимой в замке должно быть очень холодно, потому как дров не напасешься протопить этакую громадину! Или, может, зимой тут тоже, как у нас, закрывают летние покои, а топят только в паре залов да в спальнях? А еще здесь, наверно, не бывает таких ветров, как на нашем перевале: там порой так задувает целыми неделями, что хоть закрывай ставни, хоть затыкай узенькие окошки подушками, хоть занавешивай стены заморскими коврами (ворс такой, что рука утонет!) и звериными шкурами в три слоя, все равно сквозит. Отец говорил, замок очень старый, в кладке щелей больше, чем камней, все не заделаешь. Чем латать, проще было бы новый построить, только где же столько денег раздобыть?

Но это-то ладно, уж хватило бы, но... Подходящих мест поблизости нет, значит, новый замок надо строить на фундаменте старого, а самим куда деваться на пару лет? Быстрее-то не выйдет: от снега до снега времени всего ничего, да и то половина — слякоть, груженые повозки с трудом проходят... А как представишь, сколько всего нужно для строительства, так руки и опускаются. Мама однажды сказала, что не представляет, как это наши предки ухитрились возвести замок в таком месте, не иначе ворожил им кто-то! Я потом долго допытывалась: правда ли, что в прежние времена колдуны были не чета старой знахарке, которая толь-

ко и умеет разные травки от кашля и простреда заваривать? Отец в ответ только ухмылялся в усы... ну а с годами я и сама все поняла.

Я постаралась не думать о родителях, потому что от этого сразу тянуло расплакаться, а разве я могла появиться перед князем зареванной?

Мадита почтительно постучала, а когда изнутри прозвучало «Войдите!», глубоко вздохнула, едва-едва приотворила дверь и тихонько сказала:

— Господин, к вам юная госпожа...

— Впусти и исчезни, — был ответ.

Мадита впихнула меня в кабинет и проворно захлопнула дверь за моей спиной.

Я осталась наедине со старым князем.

Он сидел в кресле, похожем на сказочный трон, и выглядел так сурово, что я невольно попятилась, уткнувшись лопатками в закрытую дверь. Потом все-таки собралась с духом и присела в глубоком реверансе.

— Подойди ближе, — сказал он вполне дружелюбно и даже улыбнулся. Правда, глаза у него остались холодными и настороженными. — Как ты себя чувствуешь?

— Благодарю вас, господин, хорошо.

— Ты знаешь, кто я?

— Да, господин, — сказала я. — Вы — владетельный князь Даккор. Я вас узнала — вы есть на всех монетах!

Князь улыбнулся шире.

— Не всякий может похвастаться тем, что узнал меня по чеканке на золотых, — сказал он. — Должно быть, ты достаточно на них насмотрелась?

— Да, господин. Когда отец считал деньги, я складывала монеты столбиками. Он говорил, что я очень ему помогаю, а то их так много, что в одиночку ему ну никак не справиться, а казначею он не очень-то доверяет, — серьезно ответила я. — А заодно я научилась считать до тысячи и даже больше.

12

— Вот оно как... — Князь вздохнул и потер массивный подбородок. — Счастлив тот отец, который может позволить ребенку забавляться золотыми монетами...

Я промолчала, потому что не знала, надо ли отвечать на его слова. И еще едва не сказала, что монеты скучные, считай, одинаковые, разве что одни истерты больше, на других царапины есть... А вот самоцветные камни все разные, и разглядывать их можно часами, ведь каждый по-своему играет на свету! Порой даже самый невзрачный осколок, если удачно повернуть его, так брызнет в глаза цветными искрами, что не враз проморгаешься, а уж будучи правильно ограненным, сделается невероятно красивым!

— Послушай, дитя мое, — произнес он после долгой паузы. — Я вынужден сообщить тебе горькую весть... На замок твоего отца напали неизвестные разбойники. Должно быть, они надеялись поживиться, услышав о его богатствах, а потому попытались взять замок штурмом. Неизвестно, что случилось, но начался пожар, и... Мне больно говорить тебе об этом, но я обязан сказать: тела твоих родителей так и не нашли. Пожар бушевал такой, что камни плавились, а от людей не осталось даже пепла.

Я выслушала его, как это ни странно, совершенно спокойно, как будто князь говорил не о моих родителях и моем родном доме, а о посторонних людях, как будто он рассказывал мне страшную сказку...

— Представить не могу, что именно так горело, — продолжал он. — Я слыхал, подобное случается от удара молнии, но ведь сезон гроз давно миновал!

— На перевале грозы случаются и зимой, господин, — ответила я.

Да, зимние грозы — это здорово! Бывает так: на чистое-чистое, высокое, прозрачно-голубое небо, вымороженное настолько, что кажется: тронь — зазвенит,

наползает из-за перевала, с той стороны, чернильно-синяя или свинцово-серая, с вороненым отблеском туча, а где-то в глубине этой тучи ворочается и сонно бурчит громовой зверь. Иногда он не просыпается, и ветер уносит его тяжелую перину прочь, но если уж очнется и чихнет, тогда держись!.. Гулкие раскаты следуют один за другим; на самом деле их может быть всего-то ничего, но горное эхо повторяет и повторяет, пока не надоест...

Но это что, от грома только уши закладывает да кажется, будто замок содрогается от основания до верхушек башен, а в горах с гулом сходят лавины. А вот молнии... Я как-то видела — они били непрерывно в одно и то же место полчаса кряду, я насчитала больше сотни вспышек! А когда гроза отгремела, отец отправил туда людей, и оказалось, что большой утес разломился пополам. Разведчики привезли оплавленные камни, а отец внимательно рассмотрел их, кивнул каким-то своим мыслям и сказал непонятно: мол, перекрыли дорогу. Кому, какую дорогу? Не ту, по которой ходили обозы, это точно, иначе всех немедленно отправили бы разбирать завал! Там же единственный путь из долины на ту сторону гор, и без него, узкого донельзя — едва-едва двум возам разойтись, — зажатого меж скал в ущелье, торговцам пришлось бы туго...

Я спросила, о чем идет речь, а отец лишь улыбнулся и сказал, что молнии любят железо, и если чуют под землей рудную жилу, мчатся туда, чтобы полакомиться. Только вот могут разворотить целую гору, как малые дети, которые, торопясь добраться до спрятанного варенья, способны перебить всю утварь. Нет бы осторожно переставить горшки и плошки!

Тут я поняла, что отвлеклась и успела прослушать несколько фраз князя, но переспросить не осмелилась, равно как и сказать, что молнии никогда не попадали

в замок. Я любила слушать самых-самых старых слуг, потому что они знали много сказок и былей о прежних временах, и все в один голос твердили — вокруг молнии бить могут сколько угодно, но вот чтобы в башню или во двор ударило — такого не бывало. Однажды, правда, обвал случился, когда неподалеку громыхнуло и северную стену немного привалило, ну так заодно ее и починили: не пришлось далеко за камнем ездить, сам пришел... Когда я спросила отца, почему так, он ответил — молниям золото не слишком по вкусу, зачем им наш замок? Тебя, мол, тоже кашу не заставишь есть, если на виду пирог с дичью лежит!

— Боюсь, мы никогда уже не узнаем, что именно произошло и каким чудом один из слуг твоего отца сумел вывезти тебя из горящего замка, — говорил тем временем князь. Речь его лилась легко и свободно, словно он отвечал хорошо подготовленный урок. — К несчастью, этот храбрец скончался от полученных ран, не успев ничего рассказать.

Я хотела было спросить, зачем слуге понадобилось везти меня именно сюда, если гораздо ближе к нашему дому располагались владения старого друга моего отца, но промолчала. Может быть, те неизвестные разбойники перекрыли дороги и слуга просто побоялся ехать в ту сторону? А горных тропинок он или не знал, или опять же не рискнул отправляться по ним, будучи раненым и со мною на руках? Да и не по всем из них лошадь пройдет, там и не каждый человек проберется...

— А кто это был, господин? — не удержалась я. — Как его звали?

— Я не знаю, дитя, — тяжело вздохнул он. — Было не до расспросов. Пока мне доложили... Бедняга впал в забытье и только бредил, твердил о нападении и пожаре, да еще повторял твое имя. Он лишь на краткий миг